

**ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ АДВОКАТОВ
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ В 1945–1953 гг.
(на материалах Нижнего Поволжья)**

**С.А. Федин
(Россия, Астрахань)**

В статье на материалах архивных источников рассматривается одна из сторон деятельности адвокатуры СССР в послевоенный период – участие адвокатов в уголовном судопроизводстве. Исследуются основные тенденции и проблемы во взаимоотношениях адвокатуры с другими участниками уголовного судопроизводства.

Article on archival sources is considered to be one of the parties of the bar of the Soviet Union in the post-war period – the participation of defence counsel in criminal proceedings. Explores major trends and problems in the relationship of the bar with the other parties to the criminal proceedings.

Ключевые слова: адвокат, судебное следствие, уголовное судопроизводство, юстиция.

Key words: lawyer, judge, the code of criminal procedure, justice.

В исторической литературе начала 1990-х гг. получила широкое распространение крайне негативная оценка деятельности правосудия в 1930–1950-е гг. Преобладающим было мнение, что суды в сталинский период практически не интересовались виновностью подсудимых, что у обвиняемого не было никаких возможностей для защиты. Этот тезис, на наш взгляд, не соответствует действительности. В тех случаях, когда уголовные дела рассматривались в суде, а не во внесудебных органах, руководство органов юстиции признавало важность защиты граждан, представших перед судом.

Участие адвокатов при рассмотрении уголовного дела в суде было обязательно лишь в следующих случаях: когда в рассмотрении дел участвовал обвинитель (если подсудимый не отказался от услуг адвоката), когда подсудимый являлся глухим, немым, психически неполноценным или несовершеннолетним. Во всех остальных случаях защитник мог принимать участие в деле лишь по требованию обвиняемого [15]. Защита осуществлялась, как правило, на платной основе (кроме тех дел, когда участие адвоката было обязательно – ст. 55 УПК РСФСР). Если подсудимый не мог оплатить услуги защитника, они предоставлялись бесплатно. Доля платного участия адвокатов Нижнего Поволжья составляла примерно 63–64 %, в порядке статьи 55 УПК РСФСР – 34–35 % и совсем малый процент (1–2 %) составляли бесплатные уголовные дела [1, 8].

Максимальная нагрузка на адвокатов приходилась на 1947 г., что объясняется вступлением в силу Указов от 04.06.1947 г. и составляла в среднем примерно 138 дел на одного адвоката в Астраханской области и примерно 78 – в Саратовской. Значительным оставалось участие адвокатов в судебных процессах по уголовным делам и в 1950-е гг. [5, 9].

Как известно, в мировой практике существует две основные формы судопроизводства: состязательные и следственные судебные процессы. При состязательном судебном процессе прокурор и адвокат являются равноправными сторонами, каждая из которых сообщает доказательства своей правоты и пытается в ходе судебных заседаний убедить в правильности своей точки зрения судью или присяжных. В советской правовой системе основной задачей суда становилась судебное следствие, т.е. изучение имеющихся в уголовном деле фактов и соответствие их версии обвинения, представленной в обвинительном заключении. Профессор М.С. Строгович подвел теоретическую базу именно под этот принцип уголовного процесса: «Судебный процесс – это ... совместные, согласованные усилия сторон, направленные на то, чтобы обеспечить постановление судом правильного, справедливого приговора» [14].

При подобном подходе прокурор и адвокат воспринимались как помощники судьи при проведении судебного следствия, целью которых являлось установление истины по делу. Если вновь обратиться к М.С. Строговичу, то формулировать задачи советского адвоката в уголовном процессе следовало бы таким образом: «Есть опасность для защитника сойти с принципиальных позиций, потерять правильную линию

защиты, из деяния правосудия превратиться в неразборчивого в средствах дельца. Судебный процесс – дело большого политического значения и к советскому адвокату как у участнику процесса предъявляется обязательное требование найти в процессе свое подлинное место, правильно понять свою роль. Только в этих условиях защитник может преодолеть те большие трудности, которые создаются для него его сложным процессуальным положением» [14].

На деле это привело к значительному сужению возможностей адвокатов при защите клиента. Адвокат приступал к защите лишь после передачи дела в суд. Ему запрещалось вести независимое расследование и собирать доказательства невиновности своего клиента. Он мог лишь анализировать данные, предоставленные следствием, и искать ошибки и несоответствия в собранных доказательствах вины. Более того, защитник не имел права отстаивать невиновность своего клиента любым законным путем. Адвокат должен был представлять прежде всего интересы правосудия, а уже затем обвиняемого. То есть адвокату разрешалось отстаивать невиновность клиентов, только если он сам был убежден в этом. В остальных случаях он должен был лишь добиваться снижения его вины и, соответственно, меры наказания. Так, по М.С. Строговичу: «Защитник помогает суду исследовать обстоятельства дела в пользу подсудимого, он помогает суду избежать ошибок во вред подсудимому. Советский защитник, который строил бы защиту на суде таким образом, чтобы во чтобы то ни стало в противоречие с истиной, вразрез с фактами выволить своего подзащитного, дать возможность преступнику уйти от ответственности, – неизбежно нарушил бы свои элементарные обязанности, перестал бы быть советским адвокатом. Задача советской защиты – содействовать социалистическому правосудию, а не препятствовать ему» [14].

Несмотря на то, что коллегии защитников формально являлись самоуправляющимися и независимыми, практически они полностью находились под влиянием партийных и государственных органов, которые постоянно вмешивались в их деятельность, что создавало дополнительные трудности в работе. Однако даже в таких стесненных условиях, как следует из архивных данных, адвокаты во многих случаях добивались результатов в защите своего клиента. Например, во 2-й половине 1945 г. только по кассационным жалобам в Астраханском областном суде было оправдано 5 % подсудимых. Такая же практика продолжалась в течение всего исследуемого периода. Так, Астраханским областным судом во 2-м полугодии 1947 г. по 2 инстанции было отменено 28,2 % приговоров народных судов. За 1948 г. областной суд рассмотрел в 1 инстанции 180 дел на 381 человек. Основная масса дел (137) составляла обвинения по ст. 58-10 УК, Закону от 07.08.1932 г., Указам от 04.06.1947 г. По ним было оправдано 8 % обвиняемых [2]. За этот же период адвокатами составлено 714 кассационных и 597 надзорных жалоб.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что во второй половине 1940-х гг. адвокатам, чтобы добиться оправдания своего клиента, приходилось обычно доходить до высших судебных инстанций. Например, во 2-й половине 1947 г. в Верховном суде РСФСР по жалобам адвокатов было прекращено 1,4 % дел, а в 1948 г. было оправдано 2,5 % осужденных [2].

Как правило, прекращение дел и оправдание подсудимых (не только в Верховном суде, но и на всех уровнях) прокурорско-судейские руководители объясняли плохим качеством предварительного расследования. И ни в одном официальном документе этих ведомств не было среди причин – высокое качество работы адвокатов. Но именно адвокаты находили в делах ошибки следствия и указывали на эти ошибки суду. С другой стороны, большое количество уголовных дел, постоянно сокращавшиеся сроки расследования способствовали, по нашему мнению, тому, что следователи не имели возможности качественно расследовать преступления и выполнять все процессуальные действия: допросить всех свидетелей, провести все экспертизы, заполнить документы и т.п. Это и давало возможность опытным адвокатам «разваливать» дела в суде.

На одном из заседаний в Астраханском обкоме партии начальник областного Управления МВД возможно, сам того не желая, оценил высокий уровень квалифика-

ции и результативности адвокатов, признав, что адвокаты «как правило добиваются вынесения ... приговоров или решений, обязательно в сторону облегчения вины подсудимого» [6, Л. 223].

Конечно, среди адвокатов тоже встречались непрофессионалы. И это обстоятельство не раз отмечалось и самими адвокатами, и контролирующими органами. Но в целом, преимущество адвокатов над прокурорско-следственными работниками было очевидным. Конечно же, такое состояние дел встречало явное недовольство со стороны милиции, прокуратуры и суда. Не случайно проведение обкомовских проверок 1948 г. по Саратовской и Астраханской коллегиям было поручено именно прокуратуре [6, 12], а компрометирующую информацию на адвокатов собирали Управления МВД.

Анализ источников дает возможность утверждать, что нередко неприязненное отношение к адвокатам со стороны прокурорско-судебных работников перерастало в открытые конфликты в зале суда. Защитники подвергались оскорблениям, обвинениям в «политической близорукости» и «дискредитации карательных органов». Доходило и до прямых оскорблений. Так, председатель Астраханского областного суда назвал адвоката Г. «кочерыжкой». И, хотя Верховный суд признал действия председателя суда неправильными, прозвище, по выражению самого адвоката, осталось [3, Д. 9. Л. 13].

Адвокаты тоже «не оставались в долгу». Так, адвокату Сайганову был объявлен выговор за нетактичное поведение в суде, т.е. оскорбление секретаря суда. Иногда страсти во время процессов доходили не только до оскорблений. К ответственности был привлечен адвокат Кучеров за угрозу народному судье (замахнулся прессом) [3, Д. 1. Л. 14]. Нередко адвокатов, отличавшихся самостоятельностью, обвиняли в совершении противозаконных деяний, преступлениях и т.д. В качестве примера можно упомянуть дисциплинарное дело в отношении адвокатов Никитина и Серебрякова, которое было возбуждено по сигналу из редакции газеты «Правда» о вымогательстве этими адвокатами повышенных гонораров. Факты не получили подтверждение, и дело было прекращено [3, Д. 3. Л. 6].

Возраставшие трудности в служебной деятельности заставляли работников адвокатуры совершенствовать свой профессионализм. В исторической литературе приводятся примеры того, что в Москве, Ленинграде, других городах появлялись так называемые «золотые пятерки» и «серебряные десятки» адвокатов. В тот неофициальный рейтинг самых популярных адвокатов входили обычно юристы с многолетним стажем работы, блестящим знанием законов и связями в судебных органах как на местном, так и союзном уровне [13]. Для областей Нижнего Поволжья это явление не было характерно. Адвокаты региона не входили ни в золотые, ни в серебряные десятки. Но даже в провинции, каковой было Нижнее Поволжье, имелись профессионально подготовленные, эрудированные адвокаты. Однако наличие таких защитников вызывало раздражение их коллег. Так, по выражению самих адвокатов, «существовало деление на «высококвалифицированных юристов» и «юристов так себе». Это вело к неправильному распределению работы среди адвокатов. Эти «высококвалифицированные» имели особые привилегии [3, Д. 4. Л. 2].

Для понимания «особого положения» высококвалифицированных адвокатов можно привести пример с оплатой труда. Так, по официальным данным за сентябрь, октябрь и ноябрь 1948 г. высококвалифицированные адвокаты Астраханской областной коллегии зарабатывали в среднем 2500–4500 руб. в месяц, а молодые адвокаты – 280–500 руб. [6, Л. 231].

В то же время государственное давление на защитников, их идеологизация привели к появлению новой категории адвокатов, которые видели свою основную задачу не в защите подсудимого, а в выполнении требований руководителей Министерства юстиции: «участвуя в судебном процессе, суметь квалифицированно помочь суду». Такие адвокаты зачастую превращались на процессе во «второго прокурора». Эта тенденция была настолько распространенной, что нашла отражение в учебной и научной литературе. Так, М.С. Строгович, характеризуя подобных адвокатов, писал: «Бывают случаи в практике, когда на суде адвокат поддакивает обвинителю, не ис-

пользует все средства для защиты подсудимого, не ищет слабых мест обвинения. И это иногда оправдывается громкими соображениями о том, что для адвоката главное – это истина и интересы государства, а не интересы личности подсудимого» [14]. Однако сами прокуроры признавали, что они не нуждались в такой «помощи» со стороны адвокатов. Так, по оценке Саратовского прокурора «к сожалению, в больших процессах адвокаты зачастую мешают своим товарищам защищать интересы их подзащитных, становятся помощниками обвинения. Это большой порок в осуществлении защиты» [11]. Мало отличались от вышеназванных и адвокаты, которые если не «топили» своего клиента, то, во всяком случае, немного делали для отстаивания его интересов.

Вместе с тем, президиумы адвокатских коллегий и ревизоров Министерства юстиции больше беспокоила «неправильная линия защиты в судебных процессах». В это понятие вкладывалась «защита ради защиты», «политические ошибки в речах» и «нетактичное ведение защиты». За подобные проступки возбуждалось основное количество дисциплинарных дел.

Анализ источников позволяет говорить о том, что значительную проблему в адвокатуре 1940–1950-х гг. представлял так называемый «микст». Государство стремилось ликвидировать подобную практику. Правда, в 1940-е гг. за «миксты» уже не привлекали к уголовной ответственности, как до войны, но «левые гонорары» наказывались отстранением от работы на срок до 6 месяцев или, если адвокат был уличен в нескольких случаях получения «левого гонорара» или размеры «микста» были значительными, исключением из коллегии. Довольно часто информация о получении адвокатом «левого гонорара» становилась известной потому, что, получив вознаграждение, адвокаты не исполняли своих обязательств по уголовному делу. Предметами такого «вознаграждения» были деньги, а также вещи и продукты, и даже использование труда подзащитных в личных целях адвоката [4, 10]. Отчаявшись справиться с «микстом» административными мерами, государство в 1953 г. восстановило уголовную ответственность за «левые гонорары».

Сравнительный анализ широкого круга источников позволяет говорить о том, что в 1940–1950-е гг. завершается становление советской уголовной адвокатуры. Главным условием успешной работы адвокатов было блестящее знание законов и мастерство «крючкотворства», т.е. умение найти нарушения процессуального законодательства в материалах уголовного дела, а учитывая, что большинство из них, в буквальном смысле, были наполнены этими несоответствиями, сделать это было не трудно. Как наставлял советских адвокатов М.С. Строгович: «Нет такого уголовного дела, по которому умелый и добросовестный защитник не мог бы найти доводов в защиту подсудимого, и нет ни одного уголовного дела, которое не заслуживало бы того, чтобы в нем участвовал защитник. По разным делам позиция защиты может быть разная. Но в любом деле защитник может найти слова защиты, не греша против истины, не извращая фактов. Материалов для защиты не находит лишь тот защитник, который не умеет или не желает их искать» [14].

Таким образом, формально советское уголовное законодательство предусматривало равные права обвинения и защиты в судебном процессе, однако практика, сложившаяся в послевоенное время, сформировала другую ситуацию. Весь порядок ведения следствия и рассмотрения уголовных дел в суде серьезно ограничивал возможности защиты вследствие проведения в жизнь идеи о превосходстве задач государственного правосудия и борьбы с преступностью над задачей соблюдения прав конкретного гражданина. На практике это означало, что возможности адвоката повлиять на судьбу подсудимого по уголовному делу были серьезно ограничены. Тем не менее, необходимо засвидетельствовать, что даже в подобных условиях уголовная адвокатура послевоенного периода оказывала существенное воздействие на рассмотрение в суде уголовных дел и являлась защитным механизмом, который позволял значительно снизить нарушения уголовного законодательства.

Список литературы

1. Государственный архив Астраханской области (ГААО). – Ф. Р-2722. – Оп. 1.
2. ГААО. – Ф. Р-2658. – Оп. 2. – Д. 3. – Л. 34, 39; – Д. 8. – Л. 20–23.
3. ГААО. – Ф. Р-2722. – Оп. 1.
4. ГААО. – Ф. Р-2722. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 13; – Д. 6. – Л. 7; – Д. 10. – Л. 16; – Д. 13. – Л. 6; – Д. 24. – Л. 12.
5. ГААО. – Ф. Р-2722. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 9; – Д. 17. – Л. 10; – Д. 24. – Л. 15.
6. Государственный архив современной документации Астраханской области (ГАСДАО). – Ф. 325. – Оп. 5. – Д. 47.
7. ГАСДАО. – Ф. 325. – Оп. 5. – Д. 47.
8. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). – Ф. Р-549. – Оп. 1.
9. ГАСО. – Ф. Р-549. – Оп. 1. – Д. 13. – Л. 19.
10. ГАСО. – Ф. Р-549. – Оп. 1. – Д. 13. – Л. 18; – Д. 22. – Л. 8.
11. ГАСО. – Ф. Р-549. – Оп. 1. – Д. 20. – Л. 64.
12. ГАСО. – Ф. Р-549. – Оп. 1. – Д. 22.
13. Говоров И. В. Государство и преступность в Советской России 1945–1953 гг. : дис. ... д-ра ист. наук / И. В. Говоров. – СПб., 2004.
14. Строгович М. С. Процессуальное положение и процессуальные функции защитника / М. С. Строгович. – М. : Юридическая литература, 1982.
15. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. – М., 1952. – С. 11.

**МОТИВАЦИЯ И ПОВЕДЕНИЕ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
В ХОДЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАЕМНЫХ КАМПАНИЙ
В КОНЦЕ 1920-х – 1930-е гг.**

**А.О. Тюрин
(Россия, Астрахань)**

В предлагаемой статье на основе архивного материала анализируется и описывается мотивация и формы поведения городского населения в ходе государственных заемных кампаний в конце 1920-х – 1930-е гг. Так же рассматривается отношение горожан к мероприятиям и политике государственной власти.

The article is based on the archive materials. It describes and gives the analysis of motivation and forms of the urban population behavior during the state borrowing campaigns at the end of 1920-eis – in the 1930-ies. The article also studies the attitude of the citizens towards the actions and the policy of the public authorities.

Ключевые слова: повседневность, власть, государственные займы, облигации, Нижне-волжский регион.

Key words: everyday life, authorities, state borrowings, loan stock, the Lower Volga region.

В конце 1920-х гг. в Советском Союзе началась осуществляться форсированная индустриализация промышленности. Государственная власть различными способами пыталась изыскать финансовые средства для реализации этого масштабного проекта. Финансирование индустриализации в основном осуществлялось за счет внутренних ресурсов.

Одним из источников стали многочисленные государственные займы у населения, при этом в долг у трудящихся государство брало деньги на длительный срок. Официально декларировалось, что кампании по реализации среди населения облигаций государственного займа должны были осуществляться добровольно.

Методика проведения подписной кампании выглядела следующим образом: на предприятия и в организации из сберегательных касс поступали инструкции о порядке размещения займа, бланки для его учета и оформления, авансовая сумма облигаций. Работники выстраивались в очередь и вписывали в так называемый подписной лист свои фамилии и сумму, на которую приобретались облигации. Потом подписные листы сдавали в бухгалтерию, где и занимались вычетом денег на облигации из зарплат с учетом десятимесячной рассрочки [11].

План подписки предусматривал наибольший охват количества трудящихся на предприятиях, а так же максимальный размер подписной суммы. Поэтому в 1930-х гг. практически каждый гражданин СССР хранил дома государственные облигации.